АННА ГРИГОРЬЕВНА ХОМУТОВА.

(Біографическій очеркъ.)

Анна Григорьевна Хомутова родилась въ Москвѣ въ 1784 году. Она была дочь генералъ-лейтенанта и сенатора Григорія Аполлоновича Хомутова, потомка графовъ Гамильтоновъ, вышедшихъ изъ Шотландіи во время смутъ при Стюартахъ и принявшихъ русское подданство, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Мать ея была Екатерина Михайловна Нохвасиева, дочь генералъ-аншефа. Два ея брата, старшій Сергѣй Григорьевичь Хомутовъ дѣлалъ кампаніи 1812 13 и 14-го г. г. подъ начальствомъ полковника Толя (состоявшаго при фельдмаршалѣ Кутузовѣ и, по смерти его, при князѣ Шварценбергѣ); меньшій Михаилъ Григорьевичь Хомутовъ тоже дѣлалъ кампаніи и въ послѣдствіи былъ командиромъ лейбъ-гусарскаго полка, потомъ наказнымъ атаманомъ Войска Донскаго. Анна Григорьевна родилась въ богатствѣ и получила отличное воспитаніе; французскій языкъ она знала въ совершенствѣ и по обычаю того времени всегда на немъ изъяснялась. Рукодѣліемъ мало занималась, а съ любовью и увлеченіемъ слѣдила за литературой. Имѣя свѣтлый умъ, прекрасную память и удивительную, щеголеватую легкость выражать свои мысли, она писала большую часть времени, записывала все, что видѣла и слышала и излагала въ видѣ повѣстей происшествія, случавшіяся въ большомъ свѣтѣ, поэтизируя и конечно мѣняя имена и названія мѣстности.

Отецъ Анны Григорьевны былъ богатъ и большой хлѣбосолъ. Собственные дома его, сперва на Басманной, потомъ на Мясницкой, уцѣлѣвшій отъ пожара 1812 г., всегда были полны гостей. На балы ихъ и обѣды съѣзжались вся московская знать, литераторы и поэты и всѣ извѣстные посѣтители столицы. Анна Григорьевна была въ короткихъ сношеніяхъ съ Раевскими, Ермоловымъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ, княземъ Вяземскимъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Всѣ знали ее, а за необыкновенный умъ, пріятность характера, доброту, кротость услужливость и любезность, всѣ любили и старались сблизиться съ нею, наперерывъ приглашая ее къ себѣ, и она часто гащивала, по нѣскольким недѣлямъ, въ Петербургѣ у Марьи Никит. Дурновой и гр. Анны Владим. Бобринской. Съ первой Анна Григорьевна участвовала во всѣхъ придворныхъ празднествахъ, даваемыхъ во время ея пребыванія въ столицѣ; у второй оживляла обѣды и вечера завлекательнымъ, умнымъ разговоромъ и готовностью, во всякое время, сочинять комедіи, сюрпризы и куплеты, на всякій сюжетъ и на всякій случай.

Душа ея была пылкая, поэтическая, сердце самое любящее; для родныхъ, для друзей, она забывала себя и отдавалась имъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Одна изъ самыхъ сильныхъ ея привязанностей, въ первой молодости, была къ двоюродному брату, поэту-слѣпцу Козлову. Сходство въ пылкости характеровъ, въ любви къ поэзіи, въ сочувствіи ко всему высокому, ихъ тѣсно связывало. Они оба были молоды, счастливы и часто вмѣстѣ увлекались свѣтскими веселостями; но когда страстная любовь запала въ душу Козлова (1) и долго, отчаянно его волновала, Анна

---

(1) Къ Софьѣ Андр. Давыдовой, въ послѣдствіи его женѣ.

Григорьевна сдѣлалась ему постояннымъ, неизмѣннымъ другомъ-утѣшителемъ, со всею женственною преданностію. Послѣ 1812 года они разстались и свидѣлись уже въ тридцатыхъ годахъ въ Петербургѣ, почти стариками, но съ живымъ чувствомъ постоянной дружбы и яркимъ воспоминаніемъ молодости, неувядающей въ такихъ сердцахъ. Козловъ давно уже лежалъ тогда на одрѣ болѣзни, разбитый параличемъ въ ногахъ и лишенный зрѣнія. Сильное это сердечное потрясеніе вылилось у него въ прекрасныхъ стихахъ подъ названіемъ „Къ другу весны моей послѣ долгой, долгой разлуки".

Въ это же время Лермонтовъ, узнавъ случайно, изъ оживленнаго разсказа самаго поэта Козлова, сколько былаго счастья шевельнулось въ его душѣ при этой неожиданной встрѣчѣ въ тогдашней его грустной жизни, написалъ слѣдующіе стихи:

А. Г. Хомутовой.

Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный,
Вамъ строки чудныя писалъ,
И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный
Воспоминаньемъ оживленный,
Онъ передъ вами изливалъ.
Онъ васъ не зрѣлъ; но ваши рѣчи,
Какъ отголосокъ юныхъ дней,
При первомъ звукѣ новой встрѣчи,
Его встревожили сильнѣй.
Тогда признательную руку,
Въ отвѣтъ на вашъ привѣтный взоръ,
На встрѣчу радостному звуку,
Онъ въ упоеніи простеръ.
И я повѣренный случайный
Надеждъ и думъ его живыхъ,
Я буду дорожить какъ тайной,
Печальнымъ выраженіемъ ихъ.
Я вѣрю, годы не убили,
Изгладить даже не могли
Все, что вы прежде возбудили
Въ его возвышенной груди;
Но да сойдетъ благословенье
На вашу жизнь за то, что вы
Хоть на единое мгновенье,
Умѣли снять вѣнецъ мученья
Съ его преклонной головы.

Память Анны Григорьевны была удивительная: она помнила рѣшительно все, что читала, могла сказать наизусть цѣлыя поэмы и запоминала цѣликомъ разговоры. Она знала дни рожденья и имянинъ всѣхъ знакомыхъ и напоминала имъ всѣ эпохи ихъ жизни. Въ тысяча восемь сотъ сороковыхъ годахъ, она жила въ Ярославлѣ со старшимъ своимъ братомъ, Сергѣемъ Григорьевичемъ, и учила исторіи дѣтей его, двухъ племянниковъ, племянницу и сиротку (²), воспитанную и любимую ими наравнѣ съ собственнымъ семействомъ, не употребляя на то книгъ, но диктуя имъ изъ памяти исторію каждаго государства особенно, и никогда не сбиваясь въ хронологическомъ порядкѣ.

Послѣ смерти С. Г. Хомутова, Анна Григорьевна переѣхала съ дочерью его въ Петербургъ, гдѣ опять свидѣлась со многими своими старинными знакомыми, но уже была больна и не вставала съ кресла. Она дожила до 72 лѣтъ. Смерть ея была самая тихая. Богъ сподобилъ ее пріобщиться Святыхъ Таинъ, и она угасла безъ страданій. Всѣ знавшіе оплакивали ее, какъ вѣрнаго друга, рѣдкую родную, умную собесѣдницу, услужливую, добрую знакомую. Память о ней съ любовью сохранется у всѣхъ, кто зналъ ее. Тѣло ея покоится на семейномъ кладбищѣ Ярославской деревни Хомутовыхъ.

Она оставила нѣсколько повѣстей, нѣсколько стиховъ, на которые тогда же ей отвѣчали извѣстные поэты, и нѣсколько лѣтъ журнала, интереснаго описаніемъ славной эпохи французской войны и знакомящаго насъ съ жизнью высшаго общества тогдашняго времени.

Екатерина Розе.

(²) Составительницу этого біографическаго очерка, Екатерину Ивановну Розе, отъ которой и получены, при посредствѣ кн. П. А. Вяземскаго, какъ этотъ очеркъ, такъ и нижеслѣдующія выдержки изъ записокъ А. Г. Хомутовой. *П. Б.*

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. Г. ХОМУТОВОЙ.

1814-й годъ. 8-го Апрѣля. День былъ пасмуренъ, воздухъ тепелъ и сыръ, Нева покрыта льдомъ, адмиралтейскій бульваръ почти пустъ. Марья Никитична Дурново и я, укутанныя въ шали, ходили по немъ взадъ и впередъ, недовольныя нашей прогулкой. Вдругъ Свѣчинъ догналъ насъ, и съ выраженіемъ радости и сомнѣнія на лицѣ, сказалъ: «Увѣряютъ, что Парижъ взятъ». Нѣсколько человѣкъ повторили счастливую новость, не смѣя утверждать ее. Путятинъ, играя своимъ лорнетомъ, вскричалъ: „Вотъ князь Куракинъ выходитъ изъ дворца, онъ долженъ знать истину!“ Князь Куракинъ, въ шитомъ фіолетовомъ кафтанѣ съ брильянтовыми пуговицами и жемчужными эполетами, важно выступалъ, сопровождаемый двумя лакеями, облитыми золотомъ. Мы бросились къ нему на встрѣчу, и Марья Никит. спросила: «Князь, правда?» — «Истинная правда «сударыня, и я поздравляю васъ, сказалъ онъ, весело кланяясь намъ всѣмъ. „Ея величество государыня удостоила „меня сообщить, что государь импера-„торъ, во главѣ союзныхъ войскъ, „вступилъ въ Парижъ 19-го марта. Ге-„нералъ Кутузовъ, посланный изъ са-„маго Парижа, былъ задержапъ доро-„гой и отправилъ курьера императри-„цѣ, чтобъ не замедлить сообщить эту „счастливую новость.“

Во время этой рѣчи толпа собралась на бульварѣ, окружила насъ и заставила повторить двадцать разъ, что сказалъ князь Куракинъ. Всѣ поздравляли, обнимали другъ друга, изъявляя живѣйшую радость, и солнце, соучастникъ всеобщаго восторга, освѣтило всѣхъ праздничными своими лучами. Императрица, въ открытой коляскѣ проѣхала мимо бульвара въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ. Толпа бросилась за ней, бросая вверхъ свои шляпы съ криками: ура! За обѣдомъ у графини Бобринской добрый господинъ Л. сочинилъ предурное четверостишіе на взятіе Парижа. Ни объ чемъ больше не говорили, какъ объ этомъ великомъ событіи, и каждый, кто приходилъ, разсказывалъ, какимъ образомъ онъ узналъ объ немъ.

Вечеромъ мы поѣхали въ театръ. Вязмитинову, который сидѣлъ въ креслахъ, подали печатанный листъ. Видя наше любопытство, онъ намъ тотчасъ же его прислалъ. Это былъ бюллетень сраженія 18-го марта, выиграннаго на высотахъ Бельвиля и Монмартра, послѣ котораго Парижъ сдался. Этотъ бюллетень разсказывалъ великіе подвиги Барклая, Ермолова, Раевскаго, славныя имена, блестящія какъ маяки посреди бурь 1812-го года и освѣтившіяся новымъ блескомъ въ день тріумфа.

13-го Апрѣля. Пушечные выстрѣлы возвѣстили намъ пріѣздъ Кутузова. Онъ прямо отправился къ императрицѣ и оттуда долженъ былъ ѣхать къ канцлеру мимо дома М. Н. Дурново. Я вышла на балконъ и, не смотря на мелкій дождь, нѣсколько часовъ ждала, чтобъ увидѣть его одну минуту. Я сравнивала это время славы и радости со временемъ того страха, когда князь Трубецкой пріѣхалъ въ Москву съ печальными извѣстіями; также какъ и его карета, карета Кутузова остановилась у нашихъ дверей, и онъ прислалъ намъ пакетъ съ письмами, письмами изъ Парижа! Намъ писали, что Наполеонъ лишенъ всѣхъ правъ, что статуты его уничтожены и что Лудовикъ XVIII объявленъ королемъ. Намъ писали, какъ великодушенъ былъ нашъ императоръ, какъ обожаемъ.

15-го Апрѣля. Дворъ и весь городъ были въ Казанскомъ соборѣ. Императрица, великолѣпно одѣтая, сіяла счастіемъ. Духовенство, блистая золотомъ, пѣло благодарственный молебенъ при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ Вечеромъ театръ былъ полонъ народа, встрѣтившаго Кутузова кликами радости. Зловъ прервалъ свою роль, чтобъ спѣть ему приготовленный куплетъ, а когда онъ пропѣлъ:

„Ликуй Москва! Въ Парижѣ Россъ."

театръ задрожалъ отъ рукоплесканій и радостныхъ криковъ. О, то была дивная минута! Возвратясь домой, мы нашли въ гостиной Волынскаго, разсуждавшаго, какъ истый гастрономъ, о томъ обѣдѣ, который купцы намѣревались дать Кутузову; стараго князя Циціанова, вспоминавшаго праздники кн. Потемкина и лгавшаго безъ мѣры; Демидова въ орденѣ св. Анны, котораго онъ такъ ждалъ, ходившаго по комнатамъ, предаваясь мечтамъ возвратиться въ Парижъ, и Ивана Нарышкина, говорящаго про хорошенькихъ актрисъ, которыхъ онъ опять увидитъ. Я вышла на балконъ, видъ съ котораго былъ восхитителенъ. Академія, биржа и крѣпость сіяли огнями, отражавшимися въ гладкой поверхности Невы. Мы сѣли въ открытую коляску и проѣхали по всему городу. Двѣ тысячи экипажей проѣзжали посреди великолѣпной иллюминаціи и подъ звуки громкой музыки, вездѣ игравшей: «Хвала!» Иллюминація возобновлялась два слѣдудующіе дня; самая красивая была у кн. Горчакова, гр. Шереметева, Нарышкина и у иностранныхъ пословъ. Башня, воздвигнутая Вальполемъ, возвышалась какъ маякъ; она будто касалась облаковъ. Министерство, сенатъ, гостинный дворъ были великолѣпно освѣщены; на послѣднемъ красовался огромный огненный щитъ.

18-го Апрѣля. Купцы дали великолѣпный обѣдъ Кутузову и поднесли ему богатое золотое блюдо. Графъ Васильевъ получилъ такой же подарокъ въ Москвѣ, куда онъ былъ посланъ съ извѣстіемъ о взятіи Парижа.

2?-го Апрѣля. Тургеневъ (1) подошелъ къ намъ на набережной и сказалъ: „Великая Европейская драма разыграна, Наполеонъ отказался отъ престола, онъ на островѣ Эльбѣ. Нашъ Императоръ во всемъ блескѣ своего величія". Пока мы разговаривали, къ намъ присоединился Сергѣй Уваровъ (2) и вмѣшался въ разговоръ. Делиль, сказалъ онъ, угадалъ эту славную будущность въ своихъ двухъ стихахъ, адресованныхъ Александру:

Sur le front de Louis tu mettras la couronne
Le sceptre le plus beau est celui, que l'on donne (3).

Графиня Бобринская, проѣзжавшая въ эту минуту въ каретѣ, остановилась и показала намъ портретъ генерала Сакена, назначеннаго губернаторомъ Парижа. Въ честь этого стараго друга ихъ дома, она затащила насъ въ кондитерскую Молинари, гдѣ до нельзя угостила бисквитами и конфектами.

10-го Мая. Императрица пріѣхала въ театръ на представленіе „Праздника въ союзномъ лагерѣ на высотахъ Монмартра".

Первый, возвратившійся изъ Парижа былъ Сергѣй Волконскій (4), обвѣшанный крестами и звѣздами, которые

---

(1) Александръ Ивановичъ.

(2) Впослѣдствіи графъ Сергѣй Семеновичъ, тогда попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа.

(3) Т. е. ты возложишь корону на чело Людовика; изъ всѣхъ скипетровъ наилучшій есть тотъ, который вручаешь другому.

(4) Князь Сергѣй Григорьевичъ, впослѣдствіи декабристъ, получившій въ 1856 г. прощеніе и умершій въ 1866 году.

послѣ.... но тогда онъ былъ во всемъ блескѣ. Волконской первый разъ пріѣхалъ въ театръ и, скромно закутываясь въ плащъ, смѣясь говорилъ намъ: солнце прячетъ въ облака лучи свои. Князь Гагаринъ [5]), во время оно, такой же блестящій, былъ подавленъ великими событіями, въ которыхъ не могъ принимать участія. Онъ вспоминалъ Итальянскія войны, вспоминалъ, какъ Суворовъ прислалъ его со знаменами Нови и часто говорилъ съ горечью: «чтобъ увѣнчать такую блестящую карьеру, я бы долженъ былъ быть посланникомъ Монмартрскимъ, побѣды и взятія Парижа.“ Вслѣдъ за кн. Волконскимъ возвратились многіе военные и разсказывали чудеса о Парижѣ и объ энтузіазмѣ возбуждаемомъ нашимъ Государемъ. Объ немъ только и было рѣчи, и объ его возвращеніи въ великолѣпныя аллеи дворцоваго сада. Каждое утро тамъ сходилось все общество: князь Юсуповъ всегда былъ подлѣ Полины Щербатовой, для которой мечтали о замужествѣ, но увы оно не долго продолжалось. Княгиня Салтыкова [6]) гуляла, сопровождаемая большой свитой, опираясь на руку Сафоновой, какъ Калипсо съ Евхарисъ; княгиня Долгорукая [7]), во всемъ блескѣ красоты и счастія, подъ руку съ мужемъ, не замѣчая всѣхъ своихъ поклонниковъ; княжна Лопухина, блѣдная, граціозная, скользила между деревьевъ, какъ очаровательное видѣніе; красавица Нарышкина скрывала подъ улыбкой свое безпокойство: вѣтка полыни, которую она хотѣла вплести въ вѣнокъ изъ лавровъ, дрожала въ ея рукѣ; Лунина и Демидова, всегда пестро одѣтыя; князь Гагаринъ, вѣчно озабоченный, скрестивъ руки; Тургеневъ, исправлявшій тогда важныя должности, приходилъ въ садъ поздно. Тутъ же гуляли всѣ русскіе и иностранные военные, возвратившіеся изъ арміи и старые эмигранты, опять пришпилившіе въ петлицы свои кресты святаго Лудовика.

По вечерамъ ѣздили въ театръ, гдѣ всякій намекъ на славную эпоху, вызывалъ рукоплесканія. Бывали собранія во многихъ домахъ, и дамы щеголяли новыми нарядами, привезенными или присланными изъ Парижа; дѣлали лотереи и иногда танцовали; нѣсколько эполетъ оживляли однообразность фраковъ. То были предшественники всѣхъ тѣхъ, кого мы ожидали: братьевъ, супруговъ и въ тайнѣ предпочитаемыхъ. Еще не оправившаяся Москва тоже праздновала взятіе Парижа и давала пиры, которымъ способствовали красота, грація, умъ и таланты. Пріятно было слышать изъ среды развалинъ пѣніе:

> Знамена — мстители Москвы
> Шумятъ надъ Сеной горделивой.

9 Іюня вел. князь Константинъ Павловичь привезъ извѣстіе объ общемъ мирѣ, подписанномъ въ Парижѣ 18-го Мая. Загремѣли пушки, зазвонили колокола, въ церквахъ запѣли благодарственные молебны, и городъ опять зажегъ увеселительные огни. 17-го Іюня императрица дала великому князю великолѣпный праздникъ въ Павловскѣ. Онъ начался полдникомъ въ цвѣтникѣ, потомъ пошли въ театръ, устроенный изъ зелени, гдѣ играли Казака-Стихотворца и дивертисментъ, состоявшій изъ танцевъ съ лавровыми гирляндами, окончившійся явленіемъ Славы, державшей въ одной рукѣ Россійскаго орла, а въ другой вензель

(5) Вѣроятно Павелъ Гавриловичь, генералъ-адъютантъ императора Павла.

(6) Урожденная Долгорукая, нынѣ статсъ-дама.

(7) Урожденная княжна Гагарина.

великаго князя. Онъ былъ не въ духѣ и хмурилъ брови, когда ему пѣли хвалебныя пѣсни. Балетъ Амуровъ данъ былъ на лугу. Танцовали въ розовомъ, а ужинали въ новомъ павильонѣ, который съ тѣхъ поръ назывался павильономъ мира. Фрейлины, украшавшія тогда дворъ императрицы, были: любезная моя Софья Нелединская, княжна Луиза Биронъ, хорошенькая и интересная своей романической страстью, княжна Щербатова тогда весьма пріятная, и Самарина, красивая блондинка, которой приписывали побѣду надъ однимъ изъ любезнѣйшихъ придворныхъ.

Лѣто проходило въ надеждѣ скоро увидѣть императора, и мы пользовались всевозможными удовольствіями, предлагаемыми временемъ года. Острова были очень часто посѣщаемы. Демидовы, жившіе на дачѣ графини Лаваль, давали всякій четвергъ веселые балы. На одномъ изъ этихъ баловъ поднялся необыкновенный шумъ и дошелъ до террассы, гдѣ я отдыхала послѣ нѣсколькихъ кадрилей. Всѣ кричали. „Вотъ Чернышевъ, вотъ Чернышевъ!" и онъ взошелъ, блистая своими побѣдами и орденами. Многія дамы покраснѣли и поблѣднѣли, но онъ не польстилъ вниманіемъ ни одну изъ тѣхъ, которымъ прежде поклонялся.

13-го Іюля флагъ развѣялся на зимнемъ дворцѣ, императоръ пріѣхалъ, императоръ возвратился въ Петербургъ. Надо вставить себя въ рамку тогдашняго времени, чтобъ понять все волшебство этихъ словъ и весь энтузіазмъ, который онѣ возбуждали. Императоръ отказался отъ пышнаго пріема, приготовленнаго для него и отъ названія: благословеннаго, предложеннаго ему въ краснорѣчивомъ адресѣ, сочиненномъ Нелединскимъ и переведенномъ на французскій языкъ Уваровымъ.

14-го Іюля толпа ожидала императора въ Казанскомъ соборѣ и встрѣтила его громкимъ ура, заставившимъ биться всѣ сердца. Императоръ взошелъ, и всѣ глаза устремились на него; слава, которая отъ него сіяла, прибавляла еще новое очарованіе къ его красотѣ. Какъ блестящее солнце, онъ превосходилъ все что его окружало, и мы забыли искать въ его свитѣ тѣхъ, кто были близки нашимъ сердцамъ. Когда молебенъ кончился, графъ Толстой подошелъ къ нашей группѣ и объявилъ намъ, что 22-е будетъ праздникъ въ Петергофѣ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ и опять представилъ намъ три волшебныя ночи. Адмиралтейство со своими якорями изъ плошекъ было великолѣпно.

20-го Іюля мы пріѣхали въ Петергофъ довольно поздно и сейчасъ отправились въ садъ, гдѣ было много гуляющихъ. Всѣ фонтаны были спущены, и около нихъ приготовлялась иллюминація. Всѣ останавливались смотрѣть, слушать, удивляться. Мы встрѣтили Кирилу Нарышкина и графа Сологуба, которые и провожали насъ домой, посреди всеобщей суматохи: экипажи пріѣзжали со всѣхъ сторонъ, дома освѣщались и наполнялись, окошки отворялись, и смѣшанныя слова перекрещивались въ воздухѣ. Когда мы шли мимо гауптвахты, солдаты, опершись на ружья, пѣли вполголоса пѣсни Генриха IV.

21-го Іюля мы поѣхали на парадъ, который былъ въ саду подъ окнами дворца. Солнце ярко сіяло, всѣ фонтаны играли и освѣжали аллеи, гдѣ была толпа гуляющихъ. Семеновцы, два мѣсяца тому назадъ державшіе караулъ въ Парижѣ, стояли теперь

подъ ружьемъ. Музыка возвѣстила императора. „Какъ онъ хорошъ! какъ онъ великъ!“ слышалось со всѣхъ сторонъ. Парадъ кончился, и множество военныхъ пришли къ Дурновой, между прочими Чернышевъ и Потемкинъ. Они смѣшили насъ, разсказывая разные анекдоты, какъ генералъ Уваровъ изъяснялся на французскомъ языкѣ за границей, какъ вдругъ онъ самъ всунулъ свою черную, кудрявую голову въ окошко, подлѣ котораго мы сидѣли, говоря: le temps est bel! Хотя и перемѣнили разговоръ, но оба наши генерала были болѣе смущены этимъ явленіемъ, чѣмъ непріятельскими ядрами. Вечеромъ собрались на Монплезирѣ. Императрица пріѣхала туда съ молодымъ великимъ княземъ, который только что возвратился. Весь дворъ сопровождалъ ихъ. Всѣ прочіе гуляли около Монплезира и тѣснились у оконъ и дверей. Въ Монплезирѣ долго жилъ Петръ Великій, и тамъ показываютъ еще его столъ, его картины, кровать, посуду и многія другія вещи, которыя тщательно берегутся. Монплезиръ не дворецъ, но домикъ съ терассой, окруженной вѣковыми деревьями. Сколько лѣтъ, сколько поколѣній пережили они, не утративъ своей свѣжести! Съ терассы можно видѣть Петербургъ съ его златоглавыми церквами и Кронштадтъ съ цѣлымъ строемъ мачтъ. 22-го Іюля во время парада и представленія мы отправились въ Марли, построенный на берегу пруда; рыбы, по звуку колокольчика, приплывали къ берегу клевать крошки хлѣба. Маскарадъ былъ очень многочисленъ и душенъ, но иллюминація сада истинно волшебна. Въ каналѣ отражались блестящія декораціи, фонтаны подымались и ниспадали серебрянымъ дождемъ, водяныя горы катили струи золота черезъ фонарики. Самсонъ, казалось, сыпалъ рубины, изумруды и брильянты. Гирлянды фонарей и плошекъ освѣщали аллеи; огненная стѣна окружала драконовъ, и ослѣпляющія пирамиды отражались въ прудѣ Марли. Нѣсколько хоровъ музыки были разставлены въ различныхъ мѣстахъ сада. Придворныя линеики проѣзжали мимо группъ гуляющихъ; вездѣ былъ народъ, вездѣ радость и восторгъ. На другой день гуляли между фонтанами, цвѣтами, воспоминаніями, и покинули Петергофъ.

Праздникъ въ Павловскѣ назначенъ былъ 26-го Іюля; мы пріѣхали туда наканунѣ и пошли ко дворцу, гдѣ разыгрывали вечернюю зорю; потомъ ужинали у графа Головкина, который былъ заваленъ дѣлами и хлопотами: его безпрестанно звали къ императрицѣ. Принужденный оставлять насъ всякую минуту, онъ поручилъ графу Моденъ насъ занимать и угощать. Провожая насъ домой, онъ съ отчаяніемъ показалъ намъ тучи, потемняющія горизонтъ, и въ самомъ дѣлѣ на другой день утромъ шелъ проливной дождь. Когда онъ престалъ, мы пошли въ розовый павильонъ, гдѣ были приготовленія и репетиція вечерняго спектакля и ужасныя хлопоты съ музыкой и декораціями.

Небо было покрыто тучами. Головкинъ и Нелединскій были въ отчаяніи; всѣ говорили, что праздникъ придется отложить. Въ эту минуту подъѣхала въ маленькой колясочкѣ императрица. Она не хотѣла и слушать этихъ господъ, чтобъ отложить праздникъ, отдала свои приказанія и уѣхала, оставивъ ихъ ужасно не въ духѣ; они спорили, ссорились и чтобъ помирить ихъ, дождь пошелъ съ новой силой. Не смотря на него, императрица опять пріѣхала въ розовый павильонъ, велѣла позвать господъ учредителей и

спросила ихъ: думаютъ ли они, что праздникъ не возможенъ. Нелединскій отвѣчалъ за всѣхъ и представилъ всѣ причины, мѣшавшія ему. Императрица удалилась въ амбразуру окна и, посовѣтовавшись съ Головкинымъ, приказала ему объявить, что праздникъ отложенъ на слѣдующій день, а на сегодняшній вечеръ пригласить всѣхъ танцовать во дворецъ. Этотъ импровизованный балъ, въ греческой залѣ, продолжался не долго и былъ скученъ, потому что императоръ не приходилъ. На другой день утро было пасмурно, но день разгулялся, и въ 6 часовъ всѣ собрались въ розовомъ павильонѣ, къ которому пристроили танцовальную залу, украшенную гирляндами и люстрами изъ розъ. Праздникъ начался театромъ, раздѣленнымъ на четыре части. Въ 1-й дѣти играли, плясали, бросали цвѣты и радовались скорому возвращенію своихъ отцевъ и императора. Во 2-й юноши занимались различными работами, которыя хотѣли поднести царю-побѣдителю. Въ 3-й жены воиновъ благословляли примирителя Европы и поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что скоро увидятъ мужей своихъ, послѣ великихъ подвиговъ. Въ 4-й отцы и матери возсылали молитвы за монарха и за своихъ дѣтей— воиновъ и благодарили Бога за то, что Онъ привелъ ихъ видѣть эти славные дни. При появленіи воиновъ на сценѣ, всѣ обнимались, поздравлялись и изъявляли радость, что императоръ возвратился въ Россію. Самойловъ выступилъ впередъ и когда онъ, очаровательнымъ своимъ голосомъ, запѣлъ:

„Ты возвратился, благодатный!“

всѣ сердца были въ умиленіи, всѣ глаза наполнились слезами. Начался балъ, прерванный прекраснымъ фейерверкомъ. Шифръ императора горѣлъ въ золотомъ храмѣ. Пошли опять танцовать. Императоръ пригласилъ на экосезъ графиню Пушкину, а на кадриль Софью Саблукову. Ужинали въ павильонѣ мира, а всѣ военные въ палаткѣ, украшенной трофеями. Когда императоръ взошелъ туда и выпилъ за здоровье своихъ товарищей, воздухъ огласился радостными криками.

Возвратившись въ городъ, мы только и слышали разговоры объ вступленіи гвардіи и о трудности достать окошки. Волынскій нанялъ цѣлую комнату и пригласилъ насъ. Онъ далъ намъ великолѣпный завтракъ, но всѣ мало дѣлали чести его фазанамъ и изысканнымъ кушаньямъ; всѣ безпрестанно подбѣгали къ окошкамъ и смотрѣли на взволнованную улицу. Императоръ, съ многочисленной, блестящей свитой, проѣхалъ верхомъ на встрѣчу гвардіи. Онъ прискакалъ назадъ галопомъ и остановился у кареты, въ которой сидѣли императрица и великія княжны. Гвардія, предшествуемая музыкой, съ тріумфомъ взошла въ столицу и преклонила свое побѣдоносное оружіе предъ августѣйшей Маріей. Гвардейцы, побѣдившіе при Кульмѣ, парадировавшіе на площади Лудовика XVI, возбуждали всеобщее любопытство и удивленіе. На слѣдующій день, имъ въ честь, данъ былъ спектакль и имъ пѣли:

„Вамъ, вѣрна рать царя,
Ура! Ура!

Послѣ всѣхъ этихъ праздниковъ я возвратилась въ Москву, которая обстроивалась и оживлялась. Были улицы, гдѣ уже нельзя было замѣтить слѣдовъ пожара; мало по малу начались и разныя увеселенія.

Собранія открылись 12-го Декабря великолѣпнымъ баломъ. Гр. Орловы дали прекрасный праздникъ Персидскому посланнику, ѣхавшему въ Петербургъ съ поздравленіями императору. Обще-

ство, по неволѣ разстроенное, опять собиралось, возобновляло старинныя связи и дѣлало новыя. На Рождество многіе военные пріѣхали въ отпускъ и привезли радость въ семейства и интересы въ гостинныя. Начались собранія всякій вечеръ; 1814-й годъ, полный великихъ событій канулъ, въ вѣчность, и начался новый годъ, торжественный, шумный, оживленный. Начались новые праздники, новыя удовольствія для Москвы.

Но не та Москва, что нынѣ,
А пятнадцатаго года:
Въ шумныхъ кликахъ торжества
Свой пожаръ и блескъ похода
Запивавшая Москва!

ВОСПОМИНАНІЕ О ПУШКИНѢ.

Еще отрывокъ

изъ неизданныхъ Записокъ Анны Григорьевны Хомутовой.

26 Octobre 1826. Madame Korsakoff m'ecrit le matin: Venez absolument ce soir chez moi, j'aurai Pouchkinn. Pouchkinn, qui venait d'étre rappelé de l'exil, par l'emp. Nicolas; Pouchkinn dont nous avions lu avec enthousiasme les vers permis, et impermis excitaient une curiosité générale. A huit heures donc j'entre dans le salon de M-me Korsakoff, qui etait déja rempli de monde. Toutes les femmes étaient parées et visaient à la conquête de Pouchkinn; aussi, quand il entra, toutes se precepitèrent vers lui, toutes l'entouraient. Chacune d'elles briguait un mot de sa part. Comme je n'étais ni jeune, ni jolie, comme j'ai toujours été d'une timidité souffrante, qui n'est point le partage des heureux de la terre, je me tenais à l'ecart, sans chercher à me faire remarquer, et j'examinais de loin cette physionomie africaine, qui portait le cachet de son origine; cette physionomie etincellante d'esprit. Je l'ecoutais sans m'avancer ou lui parler. Ainsi s'écoula la soirée. A souper quelqu' un me nomma. Ce nom, comme une etincelle electrique, agit sur Pouchkinn. Il se leva et accourut à moi en me disant:

«Vous étes la soeur de Михаилъ Григорьевичь, je l'estime, je l'aime et je réclame votre bienveillance. Il me parla du régiment de hussard, qui, disait il, avait été son berceau et mon frère souvent son mentor. Dès lors nous fumes intimement connus et depuis, dans nos frequentes rencontres avec Pouchkinn, il me temoigna toujours beaucoup d'amitié. L'eté 1836, qui précéda sa mort, je l'ai vu très souvent et nous passames beaucoup de jours ensemble chez Raievsky.

Raconté par Pouchkinn.

Un Feldjeger m'arracha à ma retraite forcée, m'amena en poste à Moskou, tout droit au Kremlin et encore tout couvert de boue, on m'introduisit dans le cabinet de l'Empereur, qui me dit:

«A, bonjour Pouchkinn, étes vous bien «aise d'étre rappelé?

Je lui fis une reponse convénable. L'Empereur causa longtemps avec moi et me demanda:

«Pouchkinn, auriez vous pris part au «14, si vous étiez à Pétersbourg?

«Absolument, Sire, tous mes amis «étaient du complot et je n'aurais pas pu «n'en pas être aussi. L'absence seule m'a «sauvé et j'en remercie le Ciel».

«Vous avez fait assez de bétises, reprit L'Empereur, j'espere, qu' à présent, vous «serez raisonable et que nous ne nous «brouillerons plus. C'est à moi, que vous «enverrez tout ce que vous composerez; «desormais c'est moi qui sera votre cen- «seur.

Raconté par le même.

Un gros allemand entra chez moi et me dit en s'inclinant:

«J'ai une grâce à vous demander».

— «Je vous l'accorde avec plaisir, si «elle est en mon pouvoir.

«Permettez moi de parer mon ouvrage «d'un de vos vers.

«C'est beaucoup d'honneur pour moi, «mais quel ouvrage et quels vers?

«Je prépare le meilleur vernis pour «les bottes, et si vous le permettez, je met- «trai sur les boites:

Свѣтлѣе дня, чернѣе ночи.»

Переводъ. 26 Октября 1826. По утру получаю записку отъ Корсаковой ([8]): „Пріѣзжайте непремѣнно, нынче вечеромъ у меня будетъ Пушкинъ",—Пушкинъ, возвращенный изъ ссылки императоромъ Николаемъ, Пушкинъ, коего дозволенные стихи приводили насъ въ восторгъ, а недозволенные имѣли въ себѣ такую всеобщую завлекательность. Въ 8 часовъ я въ гостиной у Корсаковой; тамъ собралось уже множество гостей. Дамы разодѣлись и разсчитывали привлечь вниманіе Пушкина, такъ что когда онъ взошелъ, всѣ онѣ устремились къ нему и окружили его. Каждой хотѣлось, чтобы онъ сказалъ ей хоть слово. Не будучи ни молода, ни красива собою, и по обыкновенію одержимая несчастною застѣнчивостью, я не совалась впередъ и непримѣтно для другихъ, издали наблюдала это африканское лицо, на которомъ отпечатлѣлось его происхожденіе, это лицо, по которому такъ и сверкаетъ умъ. Я слушала его безъ предупредительности и молча. Такъ прошелъ вечеръ. За ужиномъ кто то назвалъ меня, и Пушкинъ вдругъ встрепенулся, точно въ него ударила электрическая искра. Онъ всталъ и поспѣшно подойдя ко мнѣ, сказалъ: „Вы сестра Михаила Григорьевича; я уважаю, люблю его и прошу вашей благосклонности". Онъ сталъ говорить о лейбъ гусарскомъ полкѣ, который, по словамъ его, былъ его колыбелью, а братъ мой былъ для него не рѣдко менторомъ ([9]). Съ этого времени мы весьма сблизились; я послѣ встрѣчалась часто съ Пушкинымъ, и онъ всегда мнѣ оказывалъ много дружбы. Лѣтомъ 1836 года, передъ его смертью, я безпрестанно видала его, и мы провели много дней вмѣстѣ у Раевскихъ.

Разсказано Пушкинымъ.

Фельдъегерь внезапно извлекъ меня изъ моего непроизвольнаго уединенія, привезя по почтѣ въ Москву, прямо въ Кремль, и всего въ пыли ввелъ меня въ кабинетъ императора, который сказалъ мнѣ: „А здравствуй, Пушкинъ, доволенъ ли ты, что возвращенъ?" Я отвѣчалъ, какъ слѣдовало въ подобномъ случаѣ. Императоръ долго бесѣдовалъ со мною и спросилъ меня: „Пушкинъ, если бы ты былъ въ Петербургѣ, принялъ ли бы ты участіе въ 14-мъ декабрѣ?" — „Неизбѣжно, государь; всѣ мои друзья были въ заговорѣ, и я былъ бы въ невозможности отстать отъ нихъ. Одно отсутствіе спасло меня, и я благодарю за то Небо". — „Ты довольно шалилъ, возразилъ императоръ; надѣюсь, что теперь ты образумишься, и что размолвки у насъ впередъ не будетъ. Присылай все, что напишешь, ко мнѣ; отнынѣ я буду твоимъ цензоромъ.

Разсказано имъ же.

Ко мнѣ приходитъ толстый нѣмецъ и кланяясь говоритъ: „У меня къ вамъ просьба, сдѣлайте милость, не откажите!" — „Охотно исполню, если только могу". — „Позвольте мнѣ украсить мое издѣліе вашими стихами". — „Много для меня чести; но что за издѣліе и какіе стихи"? — „У меня приготовляется превосходная вакса для сапоговъ, и если позволите, на баночкахъ я поставлю:

Свѣтлѣе дня, чернѣе ночи ([10]).

([8]) О М. И. Корсаковой см. слѣдующую за симъ «Замѣтку изъ воспоминаній кн. П. А. Вяземскаго». *П. Б.*

([9]) Въ Царскомъ Селѣ, гдѣ стояли лейбъ-гусары, къ которымъ Пушкинъ убѣгалъ изъ Лицея. *П. Б*

([10]) Стихъ изъ Кавказскаго Плѣнника. *П. Б.*